

Введение

Многообразие форм современной поэзии – от лирики мэйнстрима до сложных герметичных текстов, декодирование которых требует высокой степени языковой и литературной компетентности читателя, – предполагает как сохранение литературных традиций, так и поиск новых векторов их развития. В отличие от популярной и востребованной поэзии мэйнстрима, критериями существования которой выступают смысловая доступность и тенденция к литературному конформизму, современная интеллектуальная поэзия как смысловой дискурс² становится квинтэссенцией творческой работы с языком, с его семиотическими возможностями – и потому представляет собой особый интерес для лингвистов.

Современная поэзия концентрируется на внутренней форме слова, на этимологии (также «ложной» этимологии как дискурсивном явлении, обладающем мощным поэтическим потенциалом), на полисемии, смысловом переносе, метафоричности и т.д., что ориентирует ее реципиента на медленное, часто нелинейное, чтение, а не на декламацию. Усилившаяся тенденция к отказу от регулярных стиховых форм, рифмы и метра, и предпочтение верлибра классическому стиху представляются первыми и самыми яркими признаками того, что для определенного сегмента современной поэзии релевантными становятся отказ от приоритета графико-звуковой формы и перенос акцента на *конструирование новых сложных поэтических форм и смыслов*.

Проблема поэтического смысла начинает привлекать особое внимание лингвистов и литературоведов во второй половине XX века: к этому времени в современной европейской поэзии складывается явление *поэтического герметизма* – особой системы поэтического смысла, которая заявляет о себе в появлении сложных, «темных» поэтических текстов. Герметизм формируется как одна из характерных тенденций послевоенной лирики в Германии и Австрии и наибольшей силы достигает в 50-60-х гг. XX века (П. Целан, И. Бахман, Э. Майстер, Н. Закс, Й. Поэтэн и др.).

Начала поэтического герметизма в той форме, в какой он существует в современном поэтическом дискурсе, нужно искать в классическом европейском модернизме. Традицию герметичной поэзии связывают с именем французского поэта С. Малларме (хотя соответствующие тенденции угадываются уже в творчестве Ш. Бодлера и А. Рембо), но термин *герметизм* (*poesia ermetica*) появляется в Италии с 1930 г. в критических работах по

² См. в прим. 21 релевантное для данного исследования определение *поэтического дискурса* как дискурса *смыслового*.

лирике итальянского поэта Д. Унгаретти³. Затем распространяется и на часть современной поэзии Европы в целом. «Герметичной» эта поэзия названа по сходству с эзотерическими средневековыми учениями, суть которых открывается лишь посвященному, способному понять их язык:

Moderne Lyrik nötigt die Sprache zu der paradoxen Aufgabe, *einen Sinn gleichzeitig auszusagen wie zu verbergen*. Dunkelheit sondert das Gedicht übermäßig von der üblichen Mitteilungsfunktion der Sprache ab, um es in einer Schwebelage zu halten, in der es *sich eher entziehen als annähern kann* <...>⁴

Современная лирика принуждает язык к парадоксальной задаче *одновременного раскрытия и утаивания смысла*. Темнота стала преобладающим эстетическим принципом. Вербальная ткань отделяется от обычной языковой функции сообщения, дабы стихотворение пребывало *в амбивалентном колебании* <...>⁵

Герметичная поэзия становится важной частью элитарной литературы, и филологи приходят к необходимости говорить о герметичной поэзии как о литературной школе или течении, направлении в искусстве. Так, в монографии немецкого литературоведа Г. Корте содержится попытка уточнить проблемы дефиниции и определения границ герметичной лирики, главным образом, через обособление данной формы поэзии посредством отказа от поэтических штампов и языковых клише:

Hermetische Lyrik ist weder ein fest definiertes Genre noch eine bestimmte Schule der Moderne, sondern eine vage Zusammenfassung jener durchaus differenzierenden Versuche, die poetische Sprache gegen lyrisches Epigonentum und triviale Inspirationsästhetik resistent zu machen und sich in der Konzentration auf artistische Techniken⁶ zugleich der Vereinnahmung durch Ideologie und Weltbild-Surrogate zu entziehen.⁷

Герметичная поэзия не является ни особым жанром, ни определенным направлением модернизма, а представляет собой шаткое обобщение по сути разнородных попыток сделать поэтический язык устойчивым по отношению к поэтическому эпигонству и тривиальной эстетике вдохновения и в то же

³ См., например: Flora (1947).

⁴ Friedrich (1967, S. 178; курсив здесь и далее, за исключением отдельно указанных случаев, мой. *EE.*).

⁵ Фридрих (2010, с. 169 [глава «Темнота, герметизм, Унгаретти»]; здесь и далее цит. по электронному изданию с указанием соответствующих глав).

⁶ Неслучайно Г. Корте упоминает в данной связи «артистические техники», прямо указывая на культовый поэтологический текст „Probleme der Lyrik“ [Проблемы лирики, 1951] Г. Бенна и его определение артистизма как краеугольного камня современной поэзии: „Artistik ist der Versuch der Kunst, innerhalb des allgemeinen Verfalls der Inhalte sich selber als Inhalt zu erleben und aus diesem Erlebnis einen neuen Stil zu bilden <...>“ (Benn 1951, S. 12). („Артистизм – это попытка искусства в условиях общего кризиса содержания ощутить себя самое как содержание и из этого ощущения создать новый стиль <...>“ [Бенн 2006]).

⁷ Korte (2004, S. 49).

время избежать диктата идеологии и мировоззренческих суррогатов благодаря сосредоточенности на артистических техниках.⁸

Называя в качестве важнейшей общей характеристики герметичной поэзии *некоммуникативность* (Inkommunikativität), Г. Кортэ указывает также на ряд ее признаков иного порядка. Языковое экспериментирование и отказ от поэтических конвенций и языковых клише, ориентация на рефлексию, а не на чувство, интеллектуальность, игровые и экспериментальные формы реализации конструктивного и деструктивного начал в поэтическом тексте и др.⁹ определяют необходимость и возможность говорить о герметизме как о критерии существования и особом качестве поэтического текста.

Определенный сегмент современной поэзии, для которого в большей или меньшей степени также будет характерна установка на смысловую недоступность, часто рассматривается как поле деятельности авторов-интеллектуалов, сознательно выбирающих такие стратегии письма, которые потенциально ведут к непониманию, невозможности восстановления читателем единого смыслового поля с автором текста, что формирует «темный» герметичный дискурс, элитарный дискурс, требующий длительного и сложного приближения к пониманию герметичного текста. Актуальность данного исследования определяется повышением интереса в современном европейском филологическом сообществе к различным аспектам сложной нетривиальной поэзии и ее функционированию в современной художественной коммуникации, а также к ее потенциалу в развитии литературного языка.¹⁰ В рамках этого исследования герметизм рассматривается не как поэтическое течение XX века, характерное для определенных стран (Италия, Германия)¹¹, не как исторически мотивированная форма поэтической риторики «отрицания смысла» в индивидуальных поэтиках¹², а как определенное *состояние смысла, смысловая неопределенность*, допускающая широкий спектр возможностей поэтической реализации, обусловленный особым типом интенциональности, находящей свое выражение в разнообразных лингво-семиотических преобразованиях языка, многие из которых носят универсальный характер.

Целью данной работы стало исследование семиотической природы и форм реализации смысловой неопределенности, лежащей в основе поэтического

⁸ За исключением отдельно указанных случаев, перевод здесь и далее мой. *EE*.

⁹ См.: Korte (2004, S. 47 ff.).

¹⁰ Ср., например, проект 2015–2018 гг. «Типология субъекта в русской поэзии 1990–2010-х гг.», поддержанный Немецким научно-исследовательским сообществом и Российским гуманитарным научным фондом и объединивший десятки исследователей современной поэзии из России, Германии, Америки, Италии, Нидерландов, Японии и т.д.

¹¹ См.: Korte (2004); Patzer (2007).

¹² См.: Waldschmidt (2011).

герметизма, в новейшей немецкой и русской поэзии, что предполагает постановку и решение целого спектра задач:

- выявить особенности функционирования поэтического текста в рамках поэтического дискурса;
- описать характер диалогических отношений в поэтическом дискурсе;
- изучить направленность и общие особенности лингво-семиотических процессов, характерных для современного поэтического дискурса;
- выявить и описать универсальные поэтические способы трансформации языковых знаков на разных уровнях, в частности, в современных немецко- и русскоязычном поэтических дискурсах;
- определить условия и характер функционирования совокупных языковых и дискурсивных механизмов смысловой неопределенности в отдельных авторских дискурсах.

Непосредственно проблема языковой и – в более широком смысле – семиотической природы смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе представляется нам недостаточно исследованной – в отличие от различных отдельных ее аспектов, что в данном случае обосновывает необходимость обращения к ряду разнообразных областей филологического знания. Методологическую базу данного исследования, таким образом, составляют труды исследователей из разных стран, принадлежащих к следующим направлениям: теория дискурса (Бенвенист 1974, Макаров 2003, Борботько 2011, Карасик 2002, Почепцов 1998, Данилова 2001, Артюнова 1990, Плеханова 2011, Красных 1999, Саморукова 2002 и др.); теория поэтического языка / дискурса (Лотман 1972, Якобсон 1975, Монгилева 2004, Казарин 2004, Зубова 2010, Elit 2008 и др.); семиотика языка и литературы (Барт 1989, Лотман 1996, Степанов 1983, Моррис 1983a,b, Эко 2004 и др.); теория поэтического смысла (Тынянов 2010, Золян 1981, Сегал 2006, Domin 1966 и др.); теория интерпретации (Рикер 1995a, Гадамер 1988, Эко 2007, Johnson 2008, Sontag 2008 и др.). Исследование поэтического герметизма как феномена образования смысла предполагает комплексный анализ текста как основного компонента и функционального ядра поэтического дискурса. Дискурсивный (функциональный) анализ текста позволяет наиболее глубоко проанализировать феномен образования смысла, динамичности его структур, а также условия порождения подвижного семиозиса, который определяет дискурсивные процессы в интересующей нас области современной поэзии. Для выявления и исследования языковой природы герметизма не менее важными методами являются лингвистический и лингвостилистический анализ текста и имманентные им морфологический, синтаксический, словообразовательный, этимологический и др. пути анализа языковых и текстовых единиц. Реализация смыслового потенциала поэтического текста предполагает также обращение к различным методам интерпретации текста как целого (классическая

герменевтическая интерпретация, метод постструктуралистской деконструкции и т.д.).

Итак, в основе феномена поэтического герметизма, согласно нашей гипотезе, лежит *система взаимосвязанных сложных языковых феноменов, преобразование и трансформация языкового кода, частичный (или полный) отказ от его конвенционального употребления в условиях новых дискурсивных конвенций*. В связи с этим можно говорить о переносе центра тяжести с поэтической функции¹³ на метаязыковую, а точнее, об их уникальном взаимодействии в герметичном поэтическом дискурсе.

Поэтическая функция подчиняет высказывание ряду ограничений, дополнительных по отношению к языку: «любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых, любые элементы, являющиеся в языке формальными (т.е. имеющие только внутриязыковое, например, грамматическое, значение), могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения»¹⁴. Поэтическая функция, таким образом, непосредственно касаясь конструирования плана выражения высказывания, становится условием и причиной формирования плана содержания, продуцирования поэтических смыслов; «усиливая осязаемость знаков и углубляя фундаментальную дихотомию между знаками и предметами»¹⁵, поэтическая функция приближается, по существу, к метаязыковой функции.

Метаязыковая функция ориентирована на *код* и на *язык* высказывания, в рамках герметичного поэтического дискурса они нередко становятся собственными референтами.¹⁶ Возросшая роль метаязыковой функции обу-

¹³ В данной работе мы опираемся на классические определения языковых функций по Р. Якобсону. *Поэтическая* (или эстетическая) *функция* определяет априорную значимость формы высказывания – от графического оформления текста до моделирования синтагматических связей означающих. Лингвистический критерий реализации поэтической функции затрагивает, по Р. Якобсону, две основные операции, характеризующие речевое поведение, – селекцию (выбор на основании эквивалентности, подобия и различия и проч.) и комбинацию (построение высказывания на основании смежности). *Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации*. Эквивалентность становится конституирующим моментом в последовательности; эквивалентность в области звучания влечет за собой семантическую эквивалентность, а на любом уровне языка любой компонент приводит к одному из двух сопоставлений: «сравнение на базе сходства» и «сравнение на базе несходства» (Якобсон 1975, с. 213).

¹⁴ Лотман (1972, с. 57).

¹⁵ Якобсон (1975, с. 213).

¹⁶ Ярким примером реализации метаязыковой функции с концентрацией внимания на языке как собственном референте служит поэзия, названная ее основателями *конкретной*. Даже без характерной речевой экспликации значимости языкового знака для существования поэтического высказывания (как в конкретной поэзии), метаязыковая функция активно проявляет себя в современном поэтическом дискурсе, чьим ориентиром становится *поиск индивидуального языка, кода*, позволяющего передавать нетривиальные смыслы.

словлена усилившимся вниманием к художественному языку в постмодернистской парадигме, продолжением поиска аутентичного высказывания в литературе и отказом от миметических форм искусства – процессов, начавшихся еще в конце XIX века.¹⁷

Выделяя в качестве релевантных¹⁸ поэтическую и метаязыковую функции – а именно они будут преобладать в герметичном поэтическом дискурсе – следует отметить сложный характер их взаимодействия и пути их дискурсивной реализации. Как поэтическая, так и метаязыковая функции конституируют качественно иное употребление языка, чем в бытовых (институциональных) дискурсах¹⁹, маркируя сферу функционирования поэтического текста как вто-

¹⁷ См., например: Friedrich (1967); Ортега-и-Гассет (2006).

¹⁸ Еще одной функцией, которую обычно связывают с лирикой как родом литературы, является *эмоциональная функция*. Данная функция характеризовала классическую поэзию с установкой на субъективный эмоциональный спектр, отраженный в тексте. В связи с процессом дегуманизации, тенденцией в развитии литературы с конца XIX века, данная функция сохранилась как релевантная, прежде всего, в поэзии мейнстрима, и трансформировалась, и даже редуцировалась в сложной интеллектуальной поэзии, что консерваторам в области поэтического искусства позволяло, к примеру, критиковать герметичную поэзию как ориентированную на язык, а не на читателя (ср. пример такой оценки, приведенной в монографии Г. Копте (Korte 2004, S. 46): „eine vorgeblich spröde, artistisch-kalte, an der Sprache, nicht an der Gefühlslage der Leser orientierte Lyrik“ [мнящая себя недоступной, эстетски холодная поэзия, ориентированная на язык, а не на чувства читателя]). Если эмоциональная функция указывает на деятеля, на субъект, который принимает в поэтическом высказывании форму лирического Я, то поэтическая и особенно метаязыковая функции указывают на деятельность, порождающую смысл: они подчеркивают способность слова самосоздаваться, включаться в перекодировку и процесс порождения смысла. Ср. с упомянутыми выше характеристиками герметичной поэзии: интеллектуальность, установка на рефлексию, а не на чувство и т.д.

¹⁹ Институциональный и поэтический дискурсы характеризуются обычно с помощью оппозиционных регистров – *делового* и *игрового*. *Деловой* (утилитарный) регистр дискурса имеет своим назначением ориентировать человека в мире. По В. Борботько, это применение языка как средства коммуникации в целях самоорганизации общества и защиты человека от внешнего мира, происходящее в котором подлежит познанию и ограничению (Борботько 2011, с. 79). *Игровой* регистр также ориентирует в мире, но делает это посредством познания языка. Он затрагивает возможности выражения проявлений духовной жизни человека, переходя к ней от объективно пред-данной реальности и осмысляя ее. Ему присущи «самоценность слова, создание необычных способов построения речи» (там же). В то время как институциональные дискурсы как ситуативно-связанные всегда так или иначе направлены на предупреждение противоречий во взаимодействии коммуникантов при достижении поставленной цели, поэтический дискурс как разновидность художественного (эстетического) дискурса является *ситуативно-свободным* (там же, с. 43); *противоречие* как *основной смыслообразующий момент*, как ключевой фактор дискурсивной деятельности, из внешнего фактора становится внутренним принципом формирования дискурса. Компоненты, по отношению к которым «ситуативно-связанный дискурс служит лишь дополнением, получают свое „языковление“ в ситуативно-свободном дискурсе, а сами бывшие дополнения (швы,

ричной знаковой системы. Однако если поэтическая функция концентрируется на тексте, то метаязыковая функция становится в том числе существенной характеристикой целого дискурса, часто вовсе не будучи очевидной.

С точки зрения поэтической и метаязыковой функций, герметизм – это не абстрактный феномен, а определенная *операциональность знаков естественного языка*.²⁰ Герметизм, согласно нашей гипотезе, является качественной характеристикой поэтического дискурса²¹, он проявляется во взаимодействии ряда языковых механизмов и процессов. Амбивалентность герметичного поэтического текста заключается в том, что он предполагает смысловой плюрализм, сосуществование смыслов, и в то же время тяготеет к смысловой неопределенности, энтропии и, как результат, – частичной или полной недоступности для понимания.

В связи со всем изложенным можно предположить наличие следующих характеристик поэтического герметизма (смысловой неопределенности), релевантность которых в дальнейшем будет рассмотрена на материале современной немецко- и русскоязычной поэзии:

- В основе процесса смыслопорождения в поэтическом дискурсе лежит подвижный семиозис, способствующий формированию смысловой неопределенности. В связи с этим поэтический герметизм может быть рассмотрен через смысловую энтропию как процесс интенсивного приращения смысла с невозможностью сформулировать его конечное состояние.
- Смысловая неопределенность является качественной характеристикой поэтического дискурса и порождается особой операциональностью языковых знаков, производной от предназначения по-

крепы, штрихи), носители регулятивных функций, становятся внутренними функциями дискурса, способами организации его собственной структуры» (там же, с. 46). *Ключевое противоречие* в поэтическом дискурсе локализуется в деформации языковой формы и образа реальности, особенность, в силу которой поэтическое произведение не может быть пересказано другими словами, чтобы при этом не была уничтожена его суть.

²⁰ Смысловая неопределенность, таким образом, может рассматриваться как результат действия ключевого противоречия (см. прим. 19) в герметичном дискурсе: это *целенаправленное, рациональное создание (освоение, осмысление) сферы иррационального посредством индивидуального творческого присвоения языка*.

²¹ В рамках данной работы поэтический дискурс определяется как *особая форма познавательной рефлексивной деятельности, точкой опоры для которой становится язык как механизм смыслопорождения, а целью – создание условий для коммуникации внутри понимания между субъектом высказывания и его читателем-интерпретатором*. Дискурс складывается из порождения высказывания и его восприятия, текст же концентрирует в себе механику производства смысла и потому может рассматриваться как дискурсивное звено, непосредственно доступное восприятию и анализу. Таким образом, поэтический дискурс как особую практику коммуникации характеризуют *ситуативная свобода, изменение функциональной нагрузки слова и способность преобразования действительности*.

этической практики. В современном поэтическом дискурсе это качество поэтического смысла возникает в результате взаимодействия ряда сходных языковых механизмов и процессов, непосредственно наблюдаемых и ненаблюдаемых.

- Смысловая неопределенность характеризуется трансформацией языкового знака на разных уровнях, в итоге которой языковой знак приобретает метаязыковую функцию, становясь собственным референтом и изменяя при этом количество и характер взаимодействия смысловых пластов в поэтическом тексте.
- В реализации поэтического герметизма могут участвовать и неязыковые элементы, введенные в текстуальное пространство, например, на правах паратекста, а также элементы визуализации содержания языкового знака, что способствует развитию многомерности поэтического смысла.

Таким образом, в фокусе нашего исследования – разнообразные проявления поэтического герметизма и семантико-синтаксические механизмы и прагматический потенциал смысловой неопределенности в поэтическом тексте.²² Основной корпус анализируемых текстов составляют немецкоязычные поэтические произведения, написанные с конца 1980-х гг. по настоящее время (Л. Зайлер, Б. Кёлер, У. Дреснер, Л. Хаппель, Г. Мюллер, Я. Вагнер, Р.-Б. Эсиг и др.).²³ Для сравнительного анализа был привлечен корпус русскоязычных поэтических текстов (А. Уланов, М. Гейде, Д. Воробьев, П. Андрукович и др.). Это та часть современной интеллектуальной поэзии, которая в большой степени все еще остается как для немецкого, так и русского читателя и исследователя *terra incognita* (ср.: „ein wildes Gebiet“²⁴ [дикая, неосвоенная местность]). При выборе материала исследования мы руководствовались присутствием в поэтических текстах названных авторов примеров творческой трансформации языковых знаков на разных уровнях, а также их общей установкой на текстовую полисемию, затрудняющую процесс интерпретации.

Настоящая книга включает в себя пять глав²⁵; в **первой главе** («Проблема поэтического смысла») нами рассматривается ряд общих теоретиче-

²² С точки зрения семиотики, герметизм как совокупность условий, сопровождающих употребление языковых знаков (определяемое подвижностью их синтактики и, как следствие, разнообразием и неустойчивостью потенциальных семантических связей между ними), представляет собой особый вид поэтической прагматики.

²³ Исключение составляют тексты 1940–1980-х гг. (П. Целан, И. Бахман, Х. Домин, В. Шнурре, Р. Присниц и др.), позволяющие помимо прочего проследить основные языковые тенденции в развитии герметичной немецкоязычной поэзии второй половины XX века.

²⁴ Patzer (2007, S. 2).

²⁵ Основу данной книги составляет диссертация «Языковая природа герметизма в поэтическом дискурсе (на материале немецкоязычной поэзии второй половины XX

ских проблем, связанных с поэтическим текстом и процессами смыслопорождения в нем: выявляется роль поэтического текста как основного носителя дискурсивных механизмов собственного порождения и, соответственно, возможных вариантов прочтения, описывается характер диалогичности в поэтическом дискурсе, дается обзор разнообразным теориям, фиксирующим свое внимание на проблеме поэтического смысла. Во **второй главе** («Семиотика современной поэзии») поэтический дискурс рассматривается как особого рода семиозис, для которого характерны творческая работа с семиотическим потенциалом естественного языка, а также разнообразные сингулярные процессы означивания, ведущие во многих случаях к образованию смысловой энтропии – потенциальной множественности смыслов и, как следствие, невозможности сформулировать их конечное состояние, что в свою очередь, сильно релятивизирует проблему понимания и наделяет ее особым статусом в рамках поэтического дискурса. В этой же главе проблема понимания помещается в широкий контекст разнообразных теорий интерпретаций и возможных модусов ее решения. **Третья глава** («Языковые инсталляции: смысловой потенциал материализации языкового знака») обращается к опыту конкретной и визуальной поэзии на немецком языке, а также ее современным векторам развития, деавтоматизирующим восприятие языковых знаков и экспериментирующим с усложнением смысловых пластов конкретного и визуального текстов за счет включения их в иные семиотические системы. В **четвертой главе** («„Саморефлексирующий“») дискурс: смысловой потенциал трансформации языкового знака») на многочисленных примерах из современной немецко- и русскоязычной

века») (защита диссертации по специальности 10.02.04 Германские языки состоялась 27 ноября 2013 г. при Поволжской государственной социально-гуманитарной академии г. Самара; научный руководитель – профессор кафедры немецкой филологии Самарского государственного университета, д. филол. н. Н.К. Данилова); список публикаций по материалам исследования, включая автореферат диссертации, приведен в заключительном разделе библиографии. В рамках научной работы в проекте «Типология субъекта в русской поэзии 1990–2010-х гг.» („Typologie des Subjekts in der russischen Dichtung 1990–2010“, 2015–2018 гг., DFG STA 1010/9-1) под руководством проф. Хенрике Шталь (кафедра славистики Трирского университета) первоначальный текст был основательно доработан и расширен: основные положения диссертационного исследования были проверены на ряде современных русскоязычных поэтических текстов (см. все разделы четвертой главы «„Саморефлексирующий“ дискурс: смысловой потенциал трансформации языкового знака»); в связи с исследованиями в области теории поэтического субъекта был углублен раздел 5.1. «*Зеркало* как поэтический артефакт и дезинтеграция субъекта в сборнике Б. Кёлер „Deutsches Roulette“ (1991)», а также были включены новые разделы – 4.6. «Поэтический дейксис и проблема поэтического субъекта» и 5.4. «Кто здесь Я? Об „осциллирующем“ гендере поэтического субъекта в текстах М. Гейде, Г. Лоран и Н. Ямаковой». На заключительном этапе обсуждения и подготовки текста к публикации был также принят ряд правок, предложенных профессором кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, д. филол. н. Л.В. Зубовой.

поэзии представлено исследование широкого спектра универсальных трансформаций языковых и дискурсивных знаков разных уровней (от вариаций графики и орфографии до релятивизации знаков субъекта и включения метаконцептов в смысловое поле поэтического текста), которые в поэтическом контексте получают дополнительную смысловую нагрузку и ведут в текстовой полисемии. И, наконец, в **пятой главе** («В поисках смысла: поля поэтических референций») мы предприняли ряд интерпретативных анализов индивидуальных поэтических дискурсов, демонстрирующих многообразие форм проявления смысловой неопределенности – от намека и игры с двусмысленностью до герметизма, вскрываемого посредством авторских комментариев к тексту. Особая роль в формировании смысловой неопределенности в данных примерах отводится конципированию дезинтегрированного или «осциллирующего» субъекта (разделы 5.1. и 5.4.), интертекстуальности как механизму приращения смысла (раздел 5.2.), интермедиальности и переводу сообщения из одной кодовой системы в другую (раздел 5.3.).

Существенные различия поэтических практик (как немецко-, так и русскоязычных), о которых пойдет речь в этой книге, не позволяют говорить о современном поэтическом дискурсе как однородном пространстве. Приведенные в данной книге поэтические тексты скорее призваны продемонстрировать разнообразие проявлений смысловой неопределенности в нем. Общими (в той или иной степени) характеристиками этих текстов являются разнообразие потенциальных семантических связей, свобода от линейного функционирования предзаданных сценариев и т.д., что находит отражение в отказе от широкого диапазона языковых норм, нарушении дистрибутивных связей, подвижности границ слова и синтагм, кумулятивной динамике смыслов²⁶ – и требует в связи с этим сложной интерпретативной работы, медленного чтения. А смысловая неопределенность, как следствие, становится фактором *удовольствия от текста*.

²⁶ Перечисленные феномены дают представление о многообразии транзитивных (переходных) языковых и дискурсивных процессов в современном поэтическом языке, что, на наш взгляд, открывает широкие возможности для дальнейшего исследования отдельных обозначенных в данной книге аспектов в рамках проекта «Русскоязычная поэзия в транзите: поэтические формы осмысления границ жанра, языка, культур и общества между Европой, Азией и Америкой» (DFG-Kollegforschungsgruppe FOR 2603 „Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika“, 2017–2021 гг.).